

9. Оппозиция и власть в России: вчера и сегодня. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114594> (дата обращения: 09.12.2015).

10. ВЦИОМ: протестный потенциал в России снижается. URL: <http://tass.ru/obschestvo/911167> (дата обращения: 09.12.2015).

11. Рейтинги доверия политической оппозиции. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114856> (дата обращения: 09.12.2015).

12. Социальный портрет протестного движения в Москве. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=112859> (дата обращения: 09.12.2015).

13. Кто ходит на оппозиционные митинги? URL: <http://cimes.pro/what-is-street-opposition/> (дата обращения: 09.12.2015).

14. Иванов М., Хамраев В. Население готово к протестам на 8 %. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2669349> (дата обращения: 09.12.2015).

15. Навальный А. Митинговая социология. URL: <https://navalny.com/p/4119/> (дата обращения: 09.12.2015).

16. Рейтинг Путина – на новой рекордной высоте. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115438> (дата обращения: 09.12.2015).

17. Волков Д. Станет ли российское протестное движение массовым? URL: <http://im-russia.org/ru/аналитика/общество/2179-станет-ли-российское-протестное-движение-массовым> (дата обращения: 09.12.2015).

N. P. Pimenov

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

THE CRISIS OF NON-SYSTEM OPPOSITION: A TREND OR AN ACCIDENT?

The article describes non-system opposition as an active participant of political communication in modern Russia. Its brief description is given – the main stages of the development, direction, parties. An ordinary protester is described with the help of sociological research data and waning popularity of the non-system opposition representatives is demonstrated. The paper explains the crisis causes, identifies events patterns and estimates prospects.

Power, non-system opposition, portrait of a protester, rally, elections

УДК 301

М. П. Замотин

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ВОЗМОЖНЫЙ СЦЕНАРИЙ МИГРАЦИИ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Приводится обзор изучаемых стратегий интеграции мигрантов из стран Средней Азии, описываются особенности выбора миграционных траекторий, поднимается вопрос о необходимости изучения образовательных стратегий молодых людей из стран Средней Азии.

Миграция, интеграция, адаптация, мигранты, Средняя Азия

Миграции в современном мире являются объективным и глобальным процессом, в который вовлечено большое количество стран. Как известно, сам феномен миграционных процессов не нов: на протяжении всей истории человечества мы можем наблюдать различ-

ные примеры, начиная с великого переселения народов и заканчивая практиками трудовой миграции (сезонные миграции, батрачество и т. п.). Сегодня миграция стала одним из основных факторов социального преобразования и развития во всех регионах мира, охватив континенты, государства, активно влияя и видоизменяя устоявшиеся политические, экономические и социальные отношения. Масштабные миграции можно рассматривать как результат проектов модернизации и глобализации развивающихся демографических, социально-экономических, политических, социокультурных процессов – они целостно и системно характеризуют динамику общественной жизнедеятельности во всех ее проявлениях [1].

Россия вовлечена в международные миграционные связи в качестве принимающей стороны с 90-х гг. XX в., но с 2000-х гг. масштабы и объемы миграционных потоков значительно увеличились. Речь идет о мигрантах с постсоветского пространства, большинство из которых составляют приезжие из стран Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан), а также из Украины, Молдовы, Беларуси, Армении, Азербайджана. Поскольку мигранты приезжают в Россию из разных государств и представляют различные социокультурные общности, перед ними встает проблема включения в реалии социальных, культурных, экономических и других связей принимающего общества, освоения нормативных правил поведения, ознакомления с деятельностью и механизмами основных социальных институтов и пр. С этой проблемой связаны вопросы, которыми неустанно задаются исследователи и политики: что из себя представляют мигранты и как обеспечить процесс их интеграции в принимающее общество.

Большинство социологических исследований миграции в современной России базируется на интеграционных подходах. Поскольку понятие интеграции относительно и зависит от того, в каком контексте оно употребляется, дать ему однозначное определение не представляется возможным. Но именно сложность и неоднозначность этого явления делает его важным и интересным в практическом использовании.

Для того чтобы понять, как концептуализировать понятие интеграции в разных контекстах, необходимо посмотреть на сферы его использования. Чаще всего понятие интеграции используется в общественно-политическом дискурсе и дискурсе социальных наук. В научном дискурсе понятие интеграции представляет собой аналитическую категорию, которая трактуется в зависимости от методологического подхода исследователя. Для политики оно является инструментом в управлении миграционными потоками – их упорядочивании и дифференциации. Несмотря на то, что академические исследования могли бы снабдить политиков необходимыми рекомендациями для выработки форм и механизмов интеграции и решения возникающих проблем, на практике этого не происходит.

Рассмотрим подробнее попытки определить понятия, которые в политическом дискурсе зачастую используются нерелексивно, без каких-либо пояснений. В. С. Малахов определяет интеграцию мигрантов как включение иммигрантов и их потомков в социальные институты принимающей страны. Синонимом интеграции выступает социальное инкорпорирование, антонимом – социальное исключение. Интеграция мигрантов протекает благодаря процессам аккультурации и/или культурной адаптации. При этом очень важно подчеркнуть, что значение этих терминов претерпело в последние десятилетия существенные изменения [2, с. 5]. В литературе существует множество понятий и категорий, с помощью которых можно описать характер и степень включенности (инкорпорированности) мигрантов в принимающее сообщество. Наиболее часто встречающиеся термины – адаптация, ассимиляция, интегра-

ция. К сожалению, эти термины перестали рассматриваться критически, что привело к размыванию смыслов и употреблению их в качестве синонимов.

Адаптация – это процесс приспособления человека к изменяющимся условиям внешней среды – новому месту жительства, нормам и правилам поведения принимающего сообщества, различным повседневным практикам, формам трудовой организации, коммуникации и пр. Как правило, это односторонний процесс, в который вовлечен конкретный индивид. Степень адаптированности зависит как от личностных качеств и характеристик отдельного человека, так и от внешних условий.

Ассимиляция предполагает постепенный отказ от собственной культурной идентичности под воздействием новой культуры и полное принятие ее ценностей и норм. При этом ассимиляция рассматривается как закономерный и единственный результат жизнедеятельности иммигрантов в принимающем обществе. Данный процесс происходит на групповом уровне, поскольку мигранты как члены группы должны полностью принять требования, нормы принимающего сообщества, вследствие чего они обретают новые социальные характеристики и культурные особенности принимающего общества. Ассимиляция предполагает установку на гомогенность общества, социальные, культурные и другие признаки которого полностью заменяют имеющиеся у мигранта собственные идентичности.

В современном российском контексте использование этого термина не представляется адекватным, поскольку реализация подобных практик невозможна. Это зависит, во-первых, от того, что российское общество само по себе очень неоднородно по социальным, культурным, конфессиональным и другим признакам. Возникают вопросы – где, с кем и в какой среде или группах мигранты должны «раствориться»? Во-вторых, ассимиляция предполагает утрату ассимилируемой группой собственного языка, культурных и социальных особенностей, самосознания. Кроме того, постоянные массовые перемещения людей делают этот процесс невозможным.

С термином «интеграция» также возникают определенные сложности. Процесс интеграции предполагает двусторонний процесс приспособления и трансформации, в который вовлечены как сами мигранты, так и принимающее сообщество. Как я уже писал ранее, проблема интеграции предполагает как минимум два способа измерения и реализации – в области науки и политики. Очевидно, что интеграция мигрантов относится к числу таких явлений, которые с трудом поддаются управлению из-за сложности контекстов и носят непреднамеренный характер. «Интеграция есть результат цепочки выборов и решений, которые индивид совершил, не ставя перед собой цели “интегрироваться”. В то же время политика интеграции, предпринимаемая теми или иными государственными институтами, далеко не всегда приводит к желаемым результатам» [2, с. 8]. Это связано с тем, что принимающее общество также претерпевает изменения с появлением новых «других». Сформировались условия, которые сделали российские города более разнообразными по таким критериям как язык, конфессиональные различия, мультиэтничность, культурные образцы, формы поведения. При этом люди должны учиться жить в ситуации культурного разнообразия, формировать новые стратегии поведения, преодолевать ксенофобию.

Социологические опросы периодически фиксируют рост и спад ксенофобских настроений, особенно в крупных городах. Сотрудники «Левада-Центра» приводят такие данные репрезентативных опросов «Ксенофобские и националистические настроения среди россиян», опубликованные на сайте организации от 25.08.2015: «Рекордное число

россиян стало лояльно относиться к нелегальным иммигрантам, свидетельствует опрос “Левада-Центра”. Двое из пяти (41 %) опрошенных социологами в августе считают, что незаконно находящихся в стране иммигрантов из стран ближнего зарубежья нужно легализовать, помочь им получить работу и ассимилироваться в России. Подобный уровень лояльности беспрецедентен – в прошлом году этот вариант ответа выбрали в два раза меньше респондентов (19 %), с 2006 года этот показатель колебался между 15–35 % <...> Примерно столько же опрошенных (43 %), отвечая на вопрос социологов, что следует делать с нелегальными иммигрантами, сказали, что их нужно выдворять за пределы России, – но для этого варианта ответа это рекордно низкий показатель.

Изменение настроений россиян является результатом снятия вопросов, связанных с миграцией, с публичной повестки – на это влияет отсутствие громких происшествий на национальной почве, снижение числа телепередач, негативно характеризующих мигрантов, в целом снижение внимания СМИ к тематике, пишут социологи “Левада-Центра” в комментарии к опросу. Кроме того, отмечают они, играет роль частичное замещение привычного объекта ксенофобских нападок последних лет (“выходцев из южных республик”) новыми или “реанимированными” категориями – “фашистами” и “американской угрозой” на восточной Украине. Несмотря на видимую стабилизацию ситуации в сфере международных отношений, изоляционистские установки сохраняются, а враждебность по отношению к “другим” перешла в спящий режим безразличия... Общественное сознание далеко от состояния, именуемого в советский период “дружбой народов”»¹.

Эксперты «Левада-Центра» обращают внимание на важный индикатор регулирования настроений населения, а именно – СМИ. Но даже при самых благоприятных результатах опросов (которые не могут являться абсолютными показателями) вопросы взаимодействия местного населения и мигрантов никуда не исчезнут и проблема отчужденности может обостриться.

Очевидно, для того, чтобы рассуждать об интеграции, необходимо для начала разобраться с ее «объектом» и определить, какие смыслы вкладываются в само понятие «мигрант». Российские исследователи указывают на два основных измерения понимания слова и термина «мигрант». Первое – правовое (официальный язык), второе – обыденное.

С. Н. Абашин отмечает, что в российских законах нигде четко не устанавливается, какого человека можно называть мигрантом, обозначает ли это слово определенную категорию и как оно соотносится с действующим правовым статусом человека, приехавшего из другого государства. «В законе от 1993 г. “О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации” говорится только о регистрации граждан по месту постоянного или временного проживания. Слово “миграция” в этом случае упоминается только в названии “федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции”, за которым и закреплена функция регистрации (О праве граждан). Закон от 2002 г. “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” различает такие две категории, как иностранные граждане и лица без гражданства, и устанавливает несколько правовых режимов их пребывания на российской территории – “временно пребывающий иностранный гражданин”, “временно прожи-

¹ Аналитический центр Юрия Левады. URL: <http://www.levada.ru/old/25-08-2015/loyalnost-rossiyan-k-migrantam-dostigla-rekordnogo-urovnya> (дата обращения: 02.12.2015).

вающий иностранный гражданин”, “постоянно проживающий иностранный гражданин”. При этом правовой статус имеет особенности при наличии или отсутствии визы, трудового соглашения и патента на трудовую деятельность и массы других обстоятельств, прописанных в законе. Слово “мигрант” при этом ни разу не употребляется» [3].

В обыденном языке «мигранты» или «гастарбайтеры» – это почти всегда трудовые мигранты-мужчины, выходцы из Средней Азии, которые приезжают на заработки и занимают нишу низкоквалифицированных низкооплачиваемых конкретных профессий, таких как строитель, грузчик, дворник, уборщик, разовый рабочий. В обыденном восприятии большинство мигрантов воспринимаются как нелегальные, разносчики инфекций, криминальные, с низким уровнем образования и т. п. Стоит обратить внимание, что подобный стереотипический набор не только маргинализирует этих людей в глазах принимающего общества, но и подогревает расистские и ксенофобские настроения населения, усиленно поддерживаясь средствами массовой информации. Подобная мифологизация образа мигрантов отличается относительной устойчивостью и определяет фокус понимания и изучения.

Для того чтобы преодолеть этот гомогенизирующий дискурс, можно обратиться к классификациям, с помощью которых удобно дифференцировать однородную на первый взгляд массу. Существует множество разных критериев для классификации мигрантов, одним из них является страна исхода (Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Украина и т. п.). В российской литературе иногда можно встретить отождествление представителя данных государств с предписываемыми ему этническими особенностями (отличиями), а следовательно – с этничностью. Следующим основанием для классификации служит цель приезда – на этом основании можно говорить об экономической (трудоустрой), образовательной, туристической миграции. По длительности пребывания мигранта в принимающей стране выделяются краткосрочная, циркулярная, долгосрочная миграция и т. д.

Безусловно, на практике данные критерии пересекаются – на протяжении своей жизненной траектории отдельно взятый человек может переходить из одной категории в другую, что зависит от многих неизвестных. Например, перемены в миграционном законодательстве, практики правоприменения, сложности в получении и поддержании документированного статуса, наличие постоянного жилья, наличие постоянной занятости и т. д. могут значительно повлиять на миграционное поведение целых групп.

Следует отметить, что выстраивание миграционной траектории никогда не происходит наобум. Поездки в Россию давно стали привычным явлением для многих жителей стран Средней Азии. Эффективно работают уже выстроенные экономические связи, бизнес-отношения, оказывают влияние интеграционные намерения, личные желания. Здесь следует остановиться на особенностях современных миграций вообще и в России в частности. Поскольку в научном и в обыденном дискурсе слова «иммигрант» и «мигрант» часто употребляются как синонимы, необходимо провести смысловое разделение этих понятий.

Иммигранты – иностранные граждане, более года проживающие на территории определенного государства с целью остаться там навсегда, получить гражданство и/или вид на жительство. Такое определение дает В. Малахов, однако его употребление проблематично, поскольку человек не всегда может четко определить свои намерения. Слово «мигрант» употребляется с разной смысловой нагрузкой – оно уже используется для обозначения мигрантов всех типов. В настоящее время миграция из стран Средней Азии не носит однозначный характер смены страны проживания. В отличие от классического понимания мигрантов, кото-

рые с течением времени либо становятся иммигрантами, либо возвращаются на родину, для нового типа мигрантов «кочевой» образ жизни уже является способом существования.

В связи с этим в 90-е гг. XX в. в миграционных исследованиях появляется новая парадигма транснационализма, которая на сегодняшний день является наиболее перспективной и активно развивается в Западной Европе и США. Представители транснационализма исходят из того, что национальные государства за последние несколько десятилетий лишились своей определяющей роли в миграционных процессах и предлагают новое понимание миграции в современном глобализованном мире. Современные мигранты – это люди, которые, временно приезжая на заработки или переезжая на постоянное место жительства, не теряют связей со своей родиной. Л. Прис разработал типологию мигрантов, добавив к уже известным и описанным типам новый тип трансмигрантов [4].

Для данного типа характерно то, что однократная смена места жительства не является закономерным результатом процесса миграции, в отличие от иммигрантов они не нацелены на полную ассимиляцию, но и не стараются сохранить свою идентичность.

Поскольку транснациональное понимание миграции разделяют не все российские исследователи, а многим о нем еще неизвестно, стоит обратить внимание на некоторую специфику миграционных исследований в России.

1. Миграция и мигранты до сих пор изучаются с точки зрения экономического и/или демографического детерминизма.
2. Преобладание количественных исследований над качественными.
3. Нерелексивное отношение к понятиям: мигрант – почти всегда это трудовой мигрант, поэтому основная масса исследований сосредоточена на мигрантах-мужчинах.
4. Направленность исследований в русле конфликтологического дискурса.
5. Конфликтологический дискурс предопределяет исключительный фокус на интеграции, которая якобы необходима для снижения уровня напряженности между мигрантами и местным населением.

Очевидно, что перечисленные особенности не исчерпывающие. Они пересекаются между собой, что в итоге накладывает оценочные обязательства как на читателя, так и на молодых исследователей. Постараемся кратко обозначить открывающиеся исследовательские перспективы, которые можно сформулировать, отталкиваясь от изложенного.

Исследования миграционной тематики в России часто базируются на положении о том, что миграция (трудовая) имеет сугубо экономическую природу. В миграцию едут люди, положение которых на рынке труда в своих странах является бедственным, рабочих мест катастрофически не хватает, уровень зарплат очень низкий. Чтобы изменить подобное состояние, люди вынуждены уезжать на заработки в другие государства. В принимающем обществе мигранты воспринимаются как дешевая рабочая сила, велик сектор теневой экономики, очевидными и масштабными являются факты перевода мигрантами денежных средств на родину – все это позволяет говорить о системной экономической составляющей миграционных процессов, что определяет фокусы дискуссий и исследований [5].

Вероятно, сами исследовательские вопросы, сформулированные в категориях: «какое количество мигрантов необходимо России в качестве рабочей силы в силу ее нехватки», «как бизнес рекрутирует и использует дешевую рабочую силу», «как заполнить с помощью миграции стареющее население и преодолеть демографический кризис», – не позволяют выйти за границы такого дискурса [6].

Однако в последнее время в поле социальных наук появляется все больше данных о более сложной системе оценки значимости миграции в отправляющих обществах, ее целях, выявляются разнообразные стратегии и жизненные планы мигрантов. Мадлен Ривз, изучая миграционные стратегии местного населения в Кыргызстане, отмечает, что при очевидных трудностях материального характера принятие решения о миграции определяется самими мигрантами в категориях «каким должен быть “нормальный” путь молодого человека, окончившего школу, каков идеал его участия в общественной и ритуальной жизни деревни, сколько денег “положено” тратить на публичные празднества» [7].

Люди едут в миграцию уже не только потому, что им нужны деньги – они вовлечены в тесные бизнес-отношения, дружеские или родственные связи. В конце концов, транснациональный характер миграции говорит о том, что люди привыкли к подобному кочевому образу жизни и часто не хотят оставлять новые социальные и культурные практики и опыт, в которые втянулись и который их устраивает.

С. Н. Абашин считает, что это выражается в освоении и присвоении «глобального пространства, инфраструктур и технологий коммуникации и транспорта, которые сами по себе задают импульсы и траектории движения. Например, легкость, с которой можно в короткий срок достигнуть другого конца света и получить доступ к каким-то новым благам, сама по себе толкает людей к путешествию. Сюда я добавил бы освоение технологий получения информации о мире и коммуникации на большом расстоянии. С их помощью создаются и поддерживаются образы и сети связей, которые также включены в процессы движения и обеспечивают его устойчивость, направление и обратимость. В более широком смысле я бы также включил сюда не только телефоны, интернет, автомобили и самолеты, но знание языков, усвоение глобальных стандартов в еде и одежде, правил поиска работы и т. д. По мере того как в Центральную Азию проникают технологии и инфраструктуры такого рода, у жителей региона формируются соответствующие привычки и возникает потребность в мобильности, которая порой воспринимается не только как необходимость, но и как удовольствие» [8].

Состав миграционных потоков за последние 10 лет, очевидно, изменился: если в 2000-х действительно подавляющая масса приезжающих были мужчины, то сейчас все больше исследователей обращают внимание на разнородность миграционных потоков. Официальную информацию о дифференцированности миграционных потоков по таким критериям как пол, возраст, цели прибытия и т. п. мы можем получить, обратившись к статистике миграционной службы. Но в настоящее время использовать эти данные затруднительно. Несколько лет назад на сайте фигурировало количество приезжающих, дифференцированное по целям прибытия: трудовая миграция, образовательная, туристическая, транзитная. Сейчас такой дифференциации нет, и соответствующие органы рапортуют об общей статистике прибывающих «трудовых» мигрантов, которую сложно проверить.

Некоторые исследователи указывают на такую тенденцию, как женская миграция, существует достаточное количество работ, описывающих это явление. В них поднимаются такие проблемы, как матери и дети в миграции, освоение новых повседневных практик, ведение домохозяйства, профессиональная адаптация, домашнее насилие и др. [9], [10].

В контексте изучения женщин и детей как акторов миграции поднимается ряд вопросов, затрагивающих сферу образования и, в частности, школы. Сколько детей мигрантов учатся в школе в России, как происходит их социализация, с какими проблемами они сталкиваются, как происходит адаптация детей к другим культурным ценностям, новому

месту, иным, непохожим формам межличностных отношений, как складываются отношения со сверстниками и пр. [11]. При этом очень мало исследователей обращают внимание на присутствие мигрантов в организациях высшего образования. В российских вузах стабильно присутствует небольшое количество юношей и девушек из среднеазиатских республик, но об образовательной миграции известно очень мало. В основном, о ней упоминается в исследованиях, направленных на изучение различных поколений мигрантов (полукорного, второго). Предметом изучения, как правило, являются особенности адаптации и интеграции молодых людей 18–25 лет, выходцев из Средней Азии, которых привезли в Россию в возрасте 7–15 лет [12]. Однако поколенческая градация является дискуссионной, поскольку исследователи по-разному определяют возрастные критерии, некоторые отрицают термин «полукорное» из-за его неясности.

Возникает вопрос, может ли выбор обучения в высшем учебном заведении в России рассматриваться как отдельный сценарий миграции? Как, кем и с какими целями он осуществляется? Каким образом обучение в высшем учебном заведении определяет стратегии поведения молодых людей? Для определения этих вопросов и постановки проблемы можно воспользоваться сценарным подходом, предложенным О. Бредниковой¹. В фокусе подхода – мобильный актор, который обладает сложным и пластичным чувством принадлежности (belonging), он вступает в динамичные взаимоотношения с местами, культурами и людьми, занимается самореализацией в разных сферах жизни.

Сценарий представляет собой определенную рамку или стратегию поведения, который задает актору критерии оценивания ситуации и соответствующих планов на будущее. Это культурная модель, которая приписывает актору нормативное поведение, согласно его роли и социальной ситуации, в которой он оказался. Сценарий выступает как определенная модель действия и перцепции, которую можно считать до определенной степени типичной для мигрантов, следующих ей в повседневной жизни. Бредникова выделяет три сценария – трудовой, иммиграционный и гедонистический.

Трудовой сценарий разворачивается вокруг трудовой активности мигранта. Для него характерно, что другие активности (семейная, досуговая) исключены или ограничены.

Иммиграционный сценарий выстраивается с учетом жизненных практик принимающего общества, ориентируется на них. Мигрант минимально пользуется устоявшимися социальными сетями своего сообщества, предпочитая действовать самостоятельно. Здесь характерна установка на понимание жизни шире, чем только трудовая активность.

Гедонистический сценарий опирается на практики использования «свободного времени». Досуговые практики весьма разнообразны – появление «своей» инфраструктуры досуга, туризм, шопинг и посещение торгово-развлекательных комплексов, праздники, сексуальные приключения, Интернет и т. п.

По-видимому, иммиграционный сценарий может оказаться релевантными рамками для описания и изучения образовательной стратегии нормализующего поведения.

Каждый из приведенных сценариев выделяется на основании анализа повседневных практик индивидов. Чтобы понять, можно ли выделить отдельный образовательный сце-

¹ Бредникова О. Сценарный подход в миграционных исследованиях // Транснациональные и миграционные исследования: докл. на цикле семинаров / Европ. ун-т, Санкт-Петербург, 26 марта 2014. СПб., 2014.

нарий, необходимо рассмотреть повседневные практики: где и с кем живет человек, каков круг его общения, куда он предпочитает ходить, работает ли он и т. д. На основании полученных данных и их сравнении с повседневными практиками трудовых мигрантов можно будет сделать вывод, насколько эти практики специфичны и, соответственно, можно ли говорить об отдельном образовательном сценарии.

Помимо выявления специфических практик, в которые вовлекаются студенты-мигранты в принимающем обществе, предметом эмпирического исследования также может служить вопрос, насколько растиражированным является этот сценарий в странах исхода, среди каких социальных групп он актуален, какими смыслами он наделяется, как происходит оценка рисков и преимуществ. На эти вопросы можно получить исчерпывающие ответы, используя качественные методы исследования не только в принимающей стране (Россия), но и в отправляющих государствах.

И наконец, исходя из разницы сценариев, какие действия необходимо предпринять для интеграционной политики именно этой социальной группы? Очевидно, что политика интеграции слабо различает разнообразие мигрантов. Вопреки устоявшемуся мнению, мигранты из Средней Азии не являются однородной группой (или массой?). Различия определяются этничностью, социально-классовым аспектом, гендерными, возрастными, территориальными и другими особенностями, благодаря которым наше «гомогенное» восприятие сообщества «мигрантов» остается примитивным, что вызывает непонимание и создает большое количество проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сажина Л. В. Особенности современной транснациональной миграции (теоретические подходы к анализу) // *Философия права*. 2007. № 4. С. 142–145.
2. Малахов В. С. Интеграция мигрантов: европейский опыт и перспективы России: рабочая тетрадь. М.: Спецкнига, 2014. 24 с.
3. Абашин С. Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 4. С. 3–13.
4. Itzigsohn J., Giorguli S. Immigrant incorporation and sociocultural transnationalism // *Migration: critical concepts in the Social Sciences* / Steven Vertovec, Vol. III: Routledge, 2010. P. 261–283.
5. Винер Б. Е., Тавровский А. В. Мигранты на рынках труда в Санкт-Петербурге // *Журн. социологии и социальной антропологии*. 2009. Е.12, № 4. С. 97–121.
6. Зайончковская Ж. А., Флоринская Е. В., Тюрюканова Ю. Ф. Трудовая миграция в Россию: как двигаться дальше / Сер. спец. докл. М.: МАКС Пресс, 2011. 52 с.
7. Ривз М. По ту сторону экономического детерминизма: микродинамика миграции из сельского Кыргызстана // *Неприкосновенный запас*. 2009. № 4 (66). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/ri24.html> (дата обращения: 14.12.2015).
8. Абашин С. Н. Движения из Центральной Азии в Россию: в модели нового мироустройства // *Pro et Contra*. 2014. № 1–2 (62). С. 74–84.
9. Бредникова О., Ткач О. Дом для номады? // *Лабораториум*. 2010. № 3. С. 72–95.
10. Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Е. В. Тюрюканова, Ж. А. Зайончковская, Л. Б. Карачурина, Н. В. Мкртчян, Д. В. Полетаев, Ю. Ф. Флоринская; под ред. Е. В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2011. 119 с.
11. Александров Д. А., Баранова В. В., Иванюшина В. А. Дети и родители – мигранты во взаимодействии с российской школой // *Вопр. образования*. 2012. № 1. С. 176–199.
12. Мукомель В. И. Особенности адаптации и интеграции детей мигрантов – представителей полуторного поколения // *Изв. Иркутского гос. ун-та*. 2013. № 2 (11). Ч. 2. С. 192–210.

M. P. Zamotin
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

HIGHER EDUCATION AS A POSSIBLE MIGRATION SCENARIO: STATEMENT OF A PROBLEM

The article gives an overview of studied integration strategies of migrants from Central Asia; factors defining choices of migration trajectories are described; a question of the necessity to study educational strategies of young people from Central Asian countries is raised.

Migration, integration, adaptation, migrants, Central Asia

УДК 3.32

А. М. Огороднова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ПОЛИТИКИ И ЖУРНАЛИСТЫ: В ТЕНИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОВЕСТКИ

Рассматриваются факторы формирования теневых аспектов взаимоотношений политиков и журналистов, обстоятельства, вынуждающие представителей масс-медиа участвовать в воспроизводстве теневой политико-информационной структуры в современной России. Приводятся результаты опроса журналистов, принимавших участие во всероссийском форуме «Таврида» в сентябре 2015 г., относительно коммуникационных проблем в их профессиональной деятельности.

Теневые структуры власти, масс-медиа, коммуникационные проблемы

Кто действительно принимает политические решения? Можно ли считать наличие непубличных персон, оказывающих существенное влияние на политические решения, отклонением или закономерностью функционирования любой политической системы? Какова роль масс-медиа в усилении негласности многих сторон политической жизни? В статье предложены варианты ответов на эти вопросы.

Нужно признать, что многие россияне испытывают устойчивое недоверие к журналистам и политикам. И тех, и других воспринимают как субъектов, для которых имеют значение лишь власть и авторитет, а решения, касающиеся социально-экономического и социально-политического развития, принимаются узким кругом посвященных лиц, «за кулисами». Влияние некоторых конкретных политических и медиаперсон просто демонизируется.

Взаимоотношения между политиками и журналистами – профессиональными группами с ясно обозначенными интересами и целями, иногда совпадающими, но чаще противоположными и сталкивающимися, – соответствуют их месту в информационном и политическом пространстве. Важнейшая задача любой государственной власти – обоснование своей легитимности и обеспечение возможности достижения заявленных целей благодаря получению общественной поддержки. Для достижения своих целей власть нуждается в инструменте информационного воздействия на большие массы людей. Таким инструментом и